

Михаил Липскеров

Путешествие к центру Москвы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=653335

М.Липскеров / Путешествие к центру Москвы: АСТ, Астрель; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-070875-8, 978-5-271-31765-1

Аннотация

Необычайно сложный в своей простоте главный герой отправляется в сентиментальное странствие по новой старой Москве, к местам своей юности. Но каждый шаг дается ему с трудом, и не потому, что стар и ноги болят, а потому, что вокруг – этот безумный, безумный, безумный мир... И чем ближе цель, тем она кажется недостижимее, и выхода нет, и путешествие становится бесконечным, и это... конец?..

Содержание

От автора (возможно, покойного)	4
Пролог	5
Глава первая	11
Глава вторая	14
Глава третья	17
Глава четвертая	20
Глава пятая	23
Глава шестая	26
Глава седьмая	30
Глава восьмая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Михаил Липскеров

Путешествие к центру Москвы

От автора (возможно, покойного)

*Во имя Аллаха, милостивого, милосердного, Христос Воскрес.
Лэхайм. (Это эпиграф)*

Все имена, отчества, фамилии, адреса действующих лиц вымышлены, как и сами действующие лица, их адреса и действия, которые они действуют.

Может быть, это произведение вообще не написано, что, впрочем, не исключает его прочтения. Потому что иначе непонятно, что вы сейчас читаете.

Для шибко образованных поясню: герой произведения Липскеров Михаил Федорович – архетип Липскеровых Михайлов Федоровичей, парадигма которого – амбивалентность. То есть он может и дать в морду, и получить по ней. Необыкновенно сложный в своей простоте герой.

Пролог

В своей первой жизни, первые шестьдесят три года, я был центровым чуваком. Одну половину из них я прожил на Бульварном кольце, в его Петровской части, вторую – уже в двадцати метрах ЗА пределами кольца. Хотя если мерить шагами до Кремля, то, как говорила моя первая жена, за бутылкой водки я бы дополз до Кремля значительно быстрее. В народе улицу звали Мордоплюевкой, в миру – Остоженкой, бывшей Метростроевской, а при царе Николае Александровиче, безвинно убиенном для счастья трудового народа, обратно Остоженкой. Ныне Золотая миля. Где меня сегодня нет? На Большом Каретном. Точнее, на Золотой миле. Потому что рядовому русскому сценаристу мультипликации еврейской национальности не фига делать на Золотой миле. Точнее говоря, делать-то есть что. Жить. Но не на что. Поэтому меня выперли с почти Бульварного кольца за Третье. И скоро через меня пройдет Четвертое. На окраину района Соколиная Гора. В преддверии сгибшего Черкизовского рынка, принадлежавшего некоему чуваку по имени Тельман Исмаилов. Он бы, рынок, еще и пожил под моим боком, но этот некий чувак по имени Тельман Исмаилов с большим восточным размахом (двести кило белужьей икры, запрещенной к вылову и продаже в Российской Федерации) открыл на Туретчине многозвездный отель. (А какой же еще размах, как не восточный, может быть на Туретчине?) И лидер нации ему этого не простил. Потому что не хрена в разгар мирового кризиса гулять с большим размахом, чем лидер нации. К тому же этот некий чувак по имени Тельман Исмаилов гулял с мэром Москвы, а лидер нации – с президентом Америки. И им белужьей икры (запрещенной...) почти не досталось, потому что ее сожрали некий чувак по имени Тельман Исмаилов и мэр Москвы.

Но дело не в этом, а в том, как я оказался в таком захолустье. С 1972 года я проживал в коммуналке в доме № 11/17 по вышеупомянутой улице Остоженка (тогда еще Метростроевская) вместе с благоприобретенной женой Олей, нашим сыном Алешей, сыном Сезей, доставшимся мне вместе с женой Олей совершенно бесплатно, ее матерью, тоже Олей – но не Валентиновной, как моя Оля, а Николаевной. Чтобы я их не путал в нетрезвом состоянии. Еще с нами в квартире обитали Олина сестра Гуля, которую на самом деле звали Таней (а почему ее звали Гулей, я так и не понял), ну и ее муж Гена. Где-то году в восемьдесят пятом при помощи хитрых махинаций моей жены Гуля с Геной уехали в кооператив, а в ихнюю комнату прописали Сезю. Таким образом, в четырехкомнатной квартире осталась только моя семья. Но статус квартиры носила по-прежнему коммунальной.

Один немец по имени Томас, которого я по неизвестным соображениям поил коньяком в кулинарии в доме № 13, услышав эту историю, вернулся в Германию весьма удрученным и больше в Россию не возвращался, хотя и работал в гэдээровском посольстве.

Квартира наша располагалась на втором этаже надстройки трехэтажного дома, возведенной в тридцатом году прошлого столетия. Зодчие, возводя эту надстройку, из троцкистских соображений подсоединили водопровод надстройки к канализации основного здания. Так что если я в надстройке принимал душ, то вода была в задницу Евы Яковлевны, пребывающей на унитазе в основном здании на третьем этаже. Было забавно.

Когда Советский Союз приказал долго жить (я и живу: приказ начальника – закон для подчиненного), дом признали аварийным и клятвенно пообещали вскорости переселить всех нас в новые дома в том же районе. А клялся сам мэр, который и тогда был мэром, но оказался клятвoprеступником. Потом нам клялись другие люди. Из разных политических лагерей. Если мы за них проголосуем. Вот с тех пор я и не хожу на выборы.

Как и мои соседи с нижнего этажа. Они, как пообещали всех переселить поближе, стали чрезвычайно плодиться для лишнего метража. И плодились как-то сразу целыми семьями, которые приезжали из Казахстана, куда были выселены из Поволжья во время

войны, потому что были немцами. А когда пообещали всех переселить в районе проживания, они потянулись в наш дом для воссоединения семьи. Одна из немцев была замужем за русским человеком Пашкой, вывезшим ее из Казахстана в пятьдесят седьмом году, во время посещения целины со студенческим отрядом, по пьяному делу, чтобы прикрыть грех. И вот из-за этого целинного межнационального пистона в нижнюю квартиру вселилась вся ее немецкая родня числом шестнадцать штук. В надежде на московское жилье. Паспортист майор Кузичев шесть дней кирял с ними, пытаясь определить, кто кому есть кто. А когда через шесть дней кирять бросил, поняв бесперспективность затеи с определением родства, то все восемнадцать немцев оказались прописанными в нижнем этаже. Откуда появились семнадцатый и восемнадцатый, спросите вы. А очень просто. Один родился во время всеобщей пьянки. А второй – для большего метража – вернулся из Германии, со своей исторической родины, куда уехал из Казахстана. И фамилия его была Гимпельсон. Именно этот Гимпельсон, единственный из всей немецкой кодлы, и получил квартиру в районе проживания. До него в ней жил паспортист майор Кузичев, который уехал на историческую родину немца Гимпельсона в город Магдебург, где возглавил чеченскую преступную группировку. Мистическая страна Россия.

А мы стали ждать квартиру. В районе проживания. Точнее, не квартиру, а три. Моей жене Оле с нашим сыном Алешей и ее матерью, тоже Олей, но Николаевной, – трехкомнатную, бесплатному сыну Сезе – однокомнатную. И мне однокомнатную. Почему мне положена отдельная квартира, это отдельная песня. За десять лет до начала квартирной эпопеи мы с моей женой Олей случайно развелись из-за кратковременного несовершенства моего морального облика. А когда он опять стал совершенным, то она отказалась по второму заезду регистрировать сложившиеся между нами отношения, чтобы при возникновении квартирного вопроса я был отдельной семьей с претензией на отдельную квартиру. Так оно и получилось.

Раз в год в округе начиналось шевеление. Якобы вот-вот... якобы уже составляют списки... якобы надо успеть... якобы Папа Юра, владелец распивочной квартиры в соседнем доме, уже получил однушку на Первой Фрунзенской, и Седой с Каблуком уже успели ее обмыть... а его соседка баба Тося – тоже однушку, но на Второй Фрунзенской... якобы сам мэр, увидев наш дом, сказал, чтобы немедля тут же! И ему доложить. И тысячи других будирующих слухов, которые оказывались в разной степени ложными. Вообще в России составление списков – органическая составляющая бытия. Списки составляются на прием к врачу, за мукой, в собес, несовершеннолетних членов семьи, расстрельные, на покупку ковра, диван-кровати, на замену газовой колонки и т.д. и т.п. И в этот раз списки действительно составлялись, но санэпидемстанцией: мол, кто жалуется на клопов и тараканов. Таковых не оказалось. Не потому, что клопов и тараканов не было, а потому, что жаловаться на них бессмысленно. Так как клопы и тараканы в России – тоже органическая составляющая бытия. А Папа Юра переехал не на Первую Фрунзенскую, а на Песковское кладбище, где Седой с Каблуком и обмывали его могилу. Вот баба Тося и впрямь переехала на Вторую Фрунзенскую, но не забесплатно, а на свои кровно заработанные продажей водки во время антиалкогольного буйства. Да и то большую часть денег за квартиру заплатил директор ресторана «Арлекино», которого потом расстреляли из двух «калашей» невдалеке от дома после того, как он капитально отремонтировал свою квартиру. Из моего окна на пятом этаже видна лесенка в его домашний бассейн на шестом. А расстреляли его как раз Седой с Каблуком по производственной необходимости, а также в качестве мести за кончину Папы Юры от тромба в сонной артерии калибра 7,62 мм.

Паника со списками возникала перманентно, и я уже готовился закончить свои дни на Остоженке, под обломками моего вечно аварийного дома. Меж тем дома в округе постепенно захватывались способами разной степени законности или сносились под корень после вне-

запно возникших пожаров. Исчезли дворы, скверы, детские и собачьи площадки. Выпить стало просто негде! Е...аная точечная застройка, которую смогло победить только «Яблоко». После того, как мест для нее уже не осталось.

В нашей семейной коммунальной квартире тоже произошли кой-какие изменения. Наш с Олей сын Алеша женился и переехал жить к жене Лене на Юго-Запад, где благополучно родил сына Федора. Мама Оли, тоже Оля, но Николаевна, безвременно скончалась в возрасте девяноста четырех лет. Бесплатный сын Сезя женился на жене Ире, приобретя бесплатного сына Костю, с коими стал жить-поживать на съемной квартире где-то в Измайлове, незаметно родив сына Пупсичка. А мы с нерасписанной женой Олей остались в четырехкомнатной квартире аварийного дома на Остоженке, бывшей Метростроевской, бывшей Остоженке, вдвоем. Но!!! Ключевой момент. Прописано в ней было семь человек. Я, моя жена Оля, наш сын Алеша – в трех комнатах, а Сезя, его жена Ира, их сын Пупсичек и бесплатный сын Костя – в одной одиннадцатиметровой комнате. И такая ситуация меня вполне устраивала. К тому же наш дом еще числился «на балансе». Что это значит, мне не ясно до сих пор, но моей жене Оле один знакомый жилищный адвокат разъяснил суть этого выражения. Поэтому Оля направилась в ДЭЗ, о чем-то посоветовалась с главным инженером Вазгеном Мамиконовичем и вышла оттуда весьма довольная. Через день в квартиру вошли разночинные люди и в считанные дни поменяли окна, побелили потолки, переклеили обои, поставили новый унитаз. Когда я узнал, сколько он стоил по документам, подумал, что сбылась мечта Владимира Ильича Ленина о сортирах из золота. И у меня возникло ощущение, что я уже куда-то переехал. В новую прекрасную квартиру в старом районе проживания. Наверное, сделкой была довольна не только моя жена Оля, но и главный инженер ДЭЗа Вазген Мамиконович. Это я сужу по косвенным признакам. По «БМВ», сменившим «Опель».

Три дня я отмечал новоселье, а на четвертый пришли тетки с официальными бумагами на предмет переселения в абсолютно новые для меня районы проживания. Так как в старом мест уже не осталось. А те, которые остались, по новой концепции социальной справедливости предназначались не для бесплатной раздачи нищей интеллигенции, а для продажи богатой элите. Которая являлась элитой по причине этого самого богатства.

Вначале официальные тетки, которые называли себя «инвестор», предложили нам две двухкомнатные квартиры на Юго-Западе, «буквально в двух шагах от метро». В пятнадцати минутах на автобусе. Экспрессе. Или в двух рублях на такси. (Врали, суки. Не в двух рублях, а в трех рублях двадцати копейках.) После чего «инвестору» сыном Алешей было сделано предложение заняться оральным сексом, от которого «инвестор» отказался с вопросом: «А чего вы хотите?» Моя жена Оля сказала, что мы хотим квартиру для семьи моего бесплатного сына Сези в районе Измайлова. Чтобы не прерывать обучения бесплатного Сезино сына Кости, проходящего в этом самом районе Измайлово. «Инвестор» переглянулся между собой, вышел из комнаты и вернулся с адресом. И предложением моей жене Оле, нашему сыну Алеше и мне тоже переехать в район Измайлово. Чтобы бабушка (тут «инвестор» пустил неискреннюю слезу) не разлучалась с сыном и внуком. Моя жена Оля и сын Алеша, в свою очередь, переглянулись между собой, вышли из комнаты и вернулись с предложением квартиры для моей жены Оли и нашего сына Алеши и однокомнатной квартиры для меня по моему желанию. Мол, они не имеют ко мне никакого отношения. (Таков, оказывается, был стратегический замысел моей жены Оли, когда она отказалась выйти за меня замуж по второму заезду. Поиметь для меня однокомнатную квартиру, чтобы в двухкомнатной, полученной ею для себя и сына Алеши, и дальше мучиться со мной, а полученную мною однокомнатную и двухкомнатную квартиру жены сына Алеши на Юго-Западе обменять на трехкомнатную. Ну и кто после этого из нас с женой Олей еврей?..) А я, который во время этих переговоров, опохмелялся на кухне сладкой водочкой, вернулся в комнату посвежевший душой и потребовал однушку в строящемся тут же, на Остоженке, оперном

центре Галины Вишневской. Можно даже в примерке. Иначе я никуда не поеду. Что я, идиот – уезжать из новой квартиры на Остоженке с сортиром из золота? И встал рогом. То есть лег плашмя. И в гробу я видал всех инвесторов, когда у меня в заглазнике почти два флакона и кастрюля грибного супа. А потом! Я свободный человек! В свободной стране! Я люблю тебя, Россия! Сиреневый туман над нами проплывает...

Через неделю я очнулся. Оказывается, в заглазнике у меня было не два флакона, а шесть, не считая портвейна. А грибной суп каким-то образом превратился в куриный. И кроме курицы в супе, больше никого в квартире не оказалось. И большей части мебели тоже. Хотя не в моих правилах продавать по пьяному делу мебель, пока есть живые деньги. И еще лежало приглашение посетить центр по распределению жилой площади Центрального округа.

Всё, решил я, все меня покинули, и я, скорее всего, в ближайшее время умру, позабыт-позаброшен. Ну и ладно. По крайней мере, умру на родине, и кости мои упокоятся в центре Москвы, а не на какой-то там Измайловщине. И родные черные вороны пропоют мне самый популярный в нашей синагоге отходняк. Ан хрен-то! Просто моя жена Оля находилась на кухне. Я был настолько опечален своей предстоящей кончиной, что тут же на всякий случай за что-то простил ее и в приступе вселенского смирения спросил, что я могу сделать для нее и остального человечества.

– Сходить в этот центр.

– Хорошо. А что мне там делать?

– Соглашаться на все, что тебе будут предлагать.

– Ладно, – бросив русые кудри на грудь, сказал я. – Видно, не судьба встретить смертный час на родном асфальте. И над моей над могилкой соловей не пропоет.

И я поперся в центр. Да, забыл сказать, что, пока я обмывал золотой унитаз, бесплатный сын Сезя уже делал ремонт в четырехкомнатной квартире площадью сто два квадратных метра на Зверинецкой улице, что в районе Измайлово. И моя жена Оля тоже делала ремонт. Но уже в двухкомнатной квартире на Лечебной улице, что тоже в районе Измайлово, недалеко от Черкизовского рынка, который ныне... А впрочем, я уже об этом говорил. Как время летит!..

В центре, что на Сухаревке, я долго искал, куда и к кому. Оказалось, что мне надо в службу одного окна, что на третьем этаже. Окон оказалось три. И все служба одного окна.

– Остоженка находится в крайнем окне слева, но Нателлы Григорьевны нет, – сообщила мне недружелюбная дама. – Что она, не человек, что ли?.. Что, в рабочее время уже и пописать нельзя... Вы за такие деньги посидите-ка целый день, не писавши...

На этих словах Нателла Григорьевна и образовалась. Мать твою! В мои школьные годы такие клевые чувихи вообще не писали! Никогда! Сама мысль о том, что девочки пишут, была потрясением основ. Но времена меняются. Сейчас девочки даже совокупляются. Без малейшего намека на духовность. Причем все! Вот ужас...

Я протянул Нателле Григорьевне приглашение. Она его прочитала, достала из сейфа какую-то папку, быстренько просмотрела ее и спросила:

– И на что, Михаил Федорович, вы претендуете?

– Из ваших рук, детка (включился автомат), я возьму все, что вы предложите. Взамен руки и сердца.

Чувиха оценила старомодное изящество кобеляжа, улыбнулась, сняла телефонную трубку и, не набирая номера, сказала:

– Анна Васильевна, тут Липскеров Михаил Федорович с Остоженки... Что хочет?..

Я показал пальцем на чувиху. Она хихикнула и продолжила:

– А что мы можем ему предложить?.. У него три комнаты в коммунальной квартире... Так... Михаил Федорович, трехкомнатную квартиру в Северном Бутове брать будете? Семьдесят два метра.

Я обомлел. В лучшем случае я рассчитывал на однокомнатную метров двадцать пять. А тут трех... и семьдесят два!..

– Как это можно, детка?.. Сударыня... Мадам... Госпожа Нателла Григорьевна...

Телка наслаждалась:

– Понимаете, Михаил Федорович, у вас три комнаты в коммунальной квартире.

– Так там еще Оля и Алеша...

– Нет, Михаил Федорович, Липскерова Ольга Валентиновна и Липскеров Алексей Михайлович уже выписались. Так что там вы один проживаете. А по закону (!) мы не можем ухудшить ваши жилищные условия. То есть мы не можем предложить вам меньше трехкомнатной квартиры.

Я пришел в себя. Немыслимые извивы российского законодательства в сочетании с еврейской мудростью моей русской жены привели к немыслимому результату.

Я бухнулся на колени перед службой одного окна:

– Не прогневайся, матушка Нателла Григорьевна. Соблаговоли оттрапезовать со мной тет-а-тет, антр-ну-суади. Без посягательств на твою честь. Конечно, если сама этого не желаешь.

– Нечего, – встряла тетка, которая настаивала на общечеловеческих правах человека писать в рабочее время, – работать надо!

Я подскочил к ее окну:

– Что мадам предпочитает пить? Конь...

– Мартини, – мгновенно предпочла мадам.

– Всенепременно будет доставлено после трапезы с дражайшей Нателлой Григорьевной.

Через два часа мы с Нателлой Григорьевной вернулись из чебуречной с флаконом «Мартини» для ее товарки.

– А я вам, Михаил Федорович, – сказала товарка, – уже и смотровой ордерок приготовила. Только не в Северном, а в Южном Бутове. Чтобы вы не мерзли.

Я поцеловал ручки обеим дамам и отправился домой, где меня ждало все семейство.

– Ну? – спросило семейство числом шесть рыл.

– Что «ну»? – расслаблено произнес я. – Хотели дать однушку в Люберцах, но я...

– Двушку выбил? – не веря в мои способности что-либо выбить, включая дурь из головы, спросила моя жена Оля.

– Нет, мать, трешку...

– Ах! – ахнуло семейство, а Пупсичек описался.

– И не в Люберцах, а в Бутове.

– Ах! – опять ахнуло семейство, а Пупсичек описался вторично.

– В Южном, – добил я всех. А Пупсичек обкакался.

Через час Алеша и его Ленка уже смотрели квартиру. Еще через два я уже подписывал согласие на получение квартиры номер... Да не помню я ни номера квартиры, ни номера дома, ни улицы. На фиг они мне нужны. Я там никогда не был. Я имею в виду квартиру. В Южном Бутове-то я был. Посещал, так сказать. На предмет прописки. И постановки на учет в ихний пенсионный фонд. И собес. Это не близко. Работающим в Южном Бутове нужно платить командировочные. Я вообще удивлен, что туда ездят без визы. По-моему, это где-то в районе Греции. Или Исландии. Хотя, наверное, в районе Исландии скорее Северное Бутово...

Так вот, я туда ездил на предмет прописки. И постановки на учет в ихний пенсионный фонд. И собес. А потом – на предмет выписки. И снятия с учета в ихнем пенсионном фонде. И собесе. Чтобы прописаться к сыну Алеше в район Измайлово, что расположился под боком у Черкизовского рынка, пущенного в расход лидером нации. Обидевшимся на хозяина рынка – некоего чувака Тельмана Исмаилова за сожранные тем двести килограммов белужьей икры, предназначенной для завтрака лидера нации с американским президентом. Нет, никогда мы не избавимся от низкопоклонства перед Западом.

От этого рынка мне в наследство достался вьетнамский старичок, которого его дети, торговавшие на рынке, оставили в России. Потому что вывезти его на родину, во Вьетнам, у них не было финансовой возможности. Наши доблестные правоохранительные органы распи...дили весь их товар. А какой именно правоохранительный орган распи...дил, узнать не было никакой возможности. Потому что все. Потому что какой же это, на хрен, правоохранительный орган, если он не пи...дит. А вы попробуйте за гроши работать! Вот детишек вьетнамского дедушки и грабанули без оставления улики и товара и выселили из подвала нашего дома. А дедушку пожалел дворник – таджик Саша, живущий в соседнем подвале. Я этому Саше каждый вторник отдаю прочитанный журнал «Русский Newsweek». А вьетнамскому дедушке моя невенчанная жена Оля носит суп. А то дедушка как-то слишком заинтересованно смотрит на нашего пса Брюса. С Олей, как и было ею задумано, когда она вторично отвергла мою руку и сердце, мы и живем.

И, как и было ею задумано, квартиру в Южном Бутове Алеша продал, и квартиру жены Лены тоже. А на вырученные баблы купил дом в коттеджном поселке площадью триста квадратных метров. Плюс банный дом с баней, предбанником и комнатой восемьдесят квадратных метров. И на радостях при участии жены Ленки тут же родил сына Мишку.

Суммируем. Сдали мы государству семьдесят два квадратных метра плюс Ленкиных сорок два квадрата. Получили взамен: четырехкомнатную квартиру для семейства моего бесплатного сына Сези в сто два квадратных метра, нашу с Олей двухкомнатную квартиру в пятьдесят девять квадратных метров, семикомнатный коттедж в триста квадратных метров плюс банный домик в восемьдесят квадратных метров Алешиного семейства. Причем Алеша с семейством прописаны в нашей с женой Олей двухкомнатной квартире, потому что по существовавшему тогда законодательству прописаться в коттеджном поселке было нельзя. Сейчас можно. Но моя русская (?) жена Оля сказала, что делать этого не следует, потому что наша квартира расположена на месте грядущего Четвертого кольца. Когда его соберутся строить, нас снесут, и должны будут дать не одну квартиру, а две. По количеству семей. Потому что, как сказал наш национальный лидер, дай ему бог здоровья, незачем плодить коммуналки.

Слава России!

Глава первая

Честно говоря, с тех пор как меня переселили в места, где кончается асфальт и начинается родина, то есть в район усопшего Черкизовского рынка, я редко выбираюсь на Большую землю. Я имею в виду самостоятельно, по собственному желанию. В реанимацию Кащенко, там, или седьмой градской больницы – это уж, ёптыть, куда ж деться. А так, чтобы по делам душевной надобности, то вот уж пять лет нет как нет. На дни рождения к кому, то таксический мотор всегда к вашим услугам. К внукам – то их родители тачку присылают. Чтобы их дети не забывали отца их родителя. Меня то есть. Чтобы не прерывалась связь времен. Чтобы, показывая на меня, тот или иной мой сын говорил своим детям:

– Вот смотрите, Федор, Костя, Пупсичек, Мишка, Сонечка (кто в данный момент окажется под рукой), что с вами будет, если вы станете писать на электрические провода.

Свои замечательные произведения, если у кого-нибудь возникнет болезненное желание их прочитать, я посылаю по электронной почте. А если уж кто из прочитавших гикнется настолько, что захочет мне за прочитанное заплатить, то он пользуется услугами Сберегательного банка. И мне хорошо, и они не видят мою благородную рожу. Нет, не потому, что я уродлив. Наоборот, я даже хорош поздней осенней красотой, но читающие мои творения дамы – как правило, моего возраста или чуть моложе. А так как мужчины с годами выглядят моложе своих ровесниц, то не фига мне своей осенней красотой намекать, что у них уже наступила зима. И Сбербанку хорошо, потому что из моих башлей он отстегивает себе процент и за счет этого процента кредитует предприятия народного хозяйства и прочие расходы. Так что я намекаю своим работодателям:

– Это из-за вас, суки, возник кризис ликвидности в стране. Это из-за вас предприятия задыхаются без оборотных средств. Это из-за вас дорожают лекарства, растет инфляция, из года в год останавливается АвтоВАЗ, это из-за вас голодают пенсионеры. Платите мне больше, бл...ди! И тогда за счет моего процента наконец взлетит «Булава», и мы так пи... данем по Украине, Грузии, Прибалтике и другим нашим братьям по бывшему СССР, что Америка не то что из Ирака уйдет, но и вернет Мексике Техас.

Вот что значит роль моей личности в истории.

Так что, как видите, возвращаться мне в большой мир особой необходимости нет. А здесь я почти каждый день вспоминаю мои юные годы. Когда покупаю в магазине шаговой доступности хлеб, подсолнечное масло, свеклу и другой продукт питания, с витрины на меня ласково смотрит портвейн «777» по тридцать пять рублей за бутылку. И мы оба сладко вздыхаем по безвозвратно утекшим годам. Как молоды мы были, как искренне любили, как верили в себя. Первый тайм, второй, третий... Фу, падла, отболело, отгорело, мое счастье улетело... и осталась лишь гитара, прежним звоном хороша!..

В какой-то момент я почувствовал, что на все просьбы поговорить со мной гитара семиструнная отвечает лишь печальным звоном единственной не лопнувшей струны. И тогда я решил отправиться в сентиментальное ПУТЕШЕСТВИЕ К ЦЕНТРУ МОСКВЫ, чтобы... А вот насчет «чтобы» мы узнаем, когда прибудем в мое персональное начало начал.

Помнится, там была девочка пятнадцати лет. Было, было, было и прошло, твердит мне время...

Был мой теплый город, было Бульварное кольцо в Петровской его части. И сам Петровский бульвар. И скамейка напротив Крапивинского переулка. И я на ней. И девочка. А что мы вдвоем – не помню напрочь. А хотелось бы. Так вперед! К дому № 17 по Петровскому бульвару, о котором я упоминал в прологе, когда говорил о своем моральном падении с центра на окраину, с Бульварного кольца на Четвертое. Вперед – назад! И не на тачках моих сыновей, не на такси, не на леваке. Потому что в начале начал тачек у моих сыновей

не было. По причине отсутствия сыновей. А тратить два рубля на такси, когда фауст-патрон портвейна «777» стоит рупь восемьдесят пять!.. – следите за моей рукой. Сначала пройду пешочком до остановки двадцать второго троллейбуса, что на cross-roads Ткацкой и Фортунатовской улиц, рядом с овощным ларьком. А затем – на общественном транспорте. Чтобы повидаться с новой старой Москвой.

Вот об этом путешествии я и буду творить это средней степени литературности литературное произведение. Чтобы вы слегка передохнули от жизни. Перед тем, как во вставшей с колен России у вас подкосятся ноги. От повышения тарифов на ЖКХ, газ, воду, электричество, цен на лекарства, хлеб, мясо, молоко (если кто-то из вас его пьет), водку (если кто-то из вас ее пьет), шмотки, парикмахерскую, проститутток, бензин, детский сад, проезд в общественном транспорте, акцизов на табак. Возрастут ОСАГО, КАСКО, ГИБДД, БИГ-МАК, ЧУПА-ЧУПС и ЁКЛМН. Когда за получение зарплаты с вас будут требовать взятку, и эта взятка будет больше зарплаты. Когда вы с первого дня работы начнете откладывать деньги, чтобы лет через пятьдесят скопить на собственные похороны.

Так вот, чтобы вас немного привести в себя, я и буду творить. Чтобы давление у вас было ниже инфляции. А если вам острое...енит читать мои заметки, вы всегда вербально можете дать мне гневную отповедь и виртуально сообщить ваши мысли по поводу моего литературного дарования. Итак, поехали.

Я оделся потеплее. Потому что неизвестно, когда я доберусь до центра Москвы. Может быть, к тому времени в мир придет новый ледниковый период. А потом разделся. Так как наука все-таки утверждает, что нас ждет глобальное потепление и на месте лип Петровского бульвара, возможно, будут расти пальмы. Или того гуще – кактусы, и будущие аборигены будут не балдеть от алкоголя, а торчать от мескалина. Так что я остался в американских джинсах китайского производства, подаренных мне вьетнамским дедушкой, и майке футбольного клуба «Челси», но в рюкзачок сложил шорты и пробковый шлем. И дубленку. А вдруг эти ребята чего-нибудь напутали и нас все-таки шарахнет ледниковый период. А я не чукча какой-нибудь, чтобы сидеть на льдине в шортах, пробковом шлеме и майке футбольного клуба «Челси».

Я вышел из подъезда, пообщался с водителем автопогрузчика Антоном, который был без автопогрузчика, но с больным сыном Серегой и сучкой колли по имени Бетси, у которой когда-то были интимные отношения с моим лабрадором Брюсом. А Серега болен не от рождения, а от ментовки. Он, Серега, полгода назад сидел на лавочке в нашем дворе в ожидании своей герлфренд Татьяны, которая вот-вот должна была вернуться из техникума легкой промышленности, чтобы пойти к Сереге и, пока Антон с его матерью копали картошку на своей фазенде под Яхромой, заняться репетицией первой брачной ночи. Но не дождался. Потому что ни с того ни с сего напал на патруль ДПС, который, защищаясь, вызвал еще два патруля, которые, защищаясь, случайно сломали ему руку стрельчатым переломом, устроили сотрясение мозга, а левый глаз сам вылетел от сотрясения. Вместе с тремя зубами. На дознании определили, что он действительно напал на них ни с того ни с сего. Потому что нельзя же считать за причину порванные трусы Татьяны, ее опухшую губу и синяки на внутренней стороне бедра. (Вот если бы на внешней – тогда другое дело. А на внутренней и не видно совсем.) А потому что, когда представители власти тебя спрашивают: «Куда идешь, сучка?» – отвечать надо, а не орать на весь двор: «Сережа, Сережа, помоги!» – и не оказывать сопротивления при исполнении. Так что Серега по делу схлопотал. Потому что если власть СЕБЯ защитить не сможет, то кто же НАС тогда защитит?

Я поговорил с ними о том о сем, рассказал, куда иду. Они меня пожалели, а я пошел дальше. Через тридцать метров, у тридцать шестой градской больницы, я повстречал знакомую маршрутку, которая жутко удивилась, увидев меня пешком. Она была в курсе моих больных ног, поэтому предложила довезти меня до остановки двадцать второго троллейбуса

на cross-roads Ткацкой и Фортунатовской улиц. Я стал отказываться, но маршрутка силком усадила меня рядом с собой, высадила всех пассажиров, сказав, что сейчас за ними вернется, потому что остановка двадцать второго троллейбуса на cross-roads Ткацкой и Фортунатовской улиц находилась в стороне от ее маршрута. Около остановки она меня обняла.

– Наверное, больше не увидимся, – сказала маршрутка.

– Вы возвращаетесь на Украину? – удивился я. – Неужели московские водилы настолько обнищали, что готовы работать за какую-то штуку американских гривен?

– Та ни, – сказала маршрутка, – боюсь, шо я вас бильше не побачу.

– Это еще почему?

– Потому что в центре Москвы тильки питерские выживают.

Я хотел было остановиться и потолковать о сущности лимиты, метафизике мутации гостей в хозяев, мистической составляющей угнетения москвичей пришлыми варварами... но задушил эту песню до лучших времен. Потому что если я буду всей Соколиной Горе объяснять принципы устройства нации, существующей в России, нации, населяющей всю Москву, нации центра Москвы, нации Бирюлева или нации, обитающей на Рублевке, то сгину от старости прямо здесь. На crossroads Ткацкой и Фортунатовской улиц. Отложим это на потом. Когда я вернусь. А когда я вернусь?..

Глава вторая

Короче, сел я на скамейку на остановке и стал ждать троллейбуса, который довезет меня до станции метро «Партизанская», бывшая «Измайловский парк», бывшая «Партизанская». Вот еще повод потолковать о превратности судьбы, преследующей Россию на протяжении веков. Как женщина, многократно выходявшая замуж и каждый раз бравшая фамилию мужа, Россия меняет свои названия и названия своих улиц в зависимости от того, кто ее на данный момент имеет. И об этом мы поговорим тоже позже. В других эссе. Как говорило зеркало русской революции: «ЕБЖ». По первости эти три буквы навевают мысли о чем-то матерном, но на самом деле расшифровываются как «если буду жив». Почему «позже»?..

Потому что к остановке подошла чувишка лет шестнадцати, среднемедицинской направленности и полнейшей сексуальной насыщенности. То ли после, то ли в предвкушении. И она курила сигарету, то есть докуривала. Потому что, затянувшись, вынула ее из взбухших (то ли после, то ли в предвкушении?) губ и бросила в урну. Точнее говоря, в направлении урны. Потому что она промахнулась. То ли от недостатка меткости, то ли никогда не была в Сингапуре, где влетела бы на штраф в пятьсот баксов, то ли ей вообще насрать на чистоту московских улиц. В частности, части Ткацкой улицы, что в районе ее cross-roads с улицей Фортунатовской. На остановке троллейбуса № 22.

– Ну что ж вы, детка, – со старческой укоризной сказал я, – вот же урна...

– Ну подумаешь, промахнулась, – ответила чувишка и куда-то свалила взглядом. То ли в «после», то ли в «предвкушение».

Действительно, чего привязался, старый козел... Да потолковать захотелось... С такой вот... Очень молоденькой... Совсем юной... Немнеакомутопринадлежащей... Изменить-этонетникакойвозможности. Да, печаль моя не светла...

Я встал с лавочки, потер спину, поднял окурок, затушил о край урны и бросил его в урну. Чувишка слегка вздрогнула и отвернулась от меня. А на фиг я ей сдался, если она троллейбуса ждет? Куда она со мной уедет? А на троллейбuse... Центральная аллея, Измайловская... А дальше вообще выдающаяся перспектива: от Первой до Шестнадцатой Парковой, на одной из которых ее ждет... А может, даже и на конечной – у метро «Щелковская». Дух захватывает! А что я могу ей предложить? Метро «Партизанская», и все. Измайловский рынок? Так он по сравнению с Черкизовским – как плотник супротив столяра. А Черкизовский гикнулся... Ох, старость... И я, кряхтя, сел на лавочку рядом с такой же замшелой теткой. Но с какой-то претензией во внешнем облике. И тетка встала, хотя троллейбуса видно не было. Ей, наверное, стало противно сидеть со старым кобелем, который пристал к молодой, а на нее не обратил ни малейшего внимания. А она, может, еще ого-го! И даже может составить счастье старому еврею, несмотря на то что он еврей. Так, думал я, думала она. Ан нет. Тетка думала не о счастье возможном. Просто в ней ярость благородная вскипела, как волна. И не на меня направленная, а на чувишку.

– Что ж ты, сучка, старого человека заставила нагибаться? Совести в тебе нет! Лахудра!

Чувишка съезжилась от неожиданности. В разговор вступил случившийся тут же слесарный джентльмен с газетой «Твой день» в душе.

– Правильно говоришь, мать. Одно знают – жариться с утра до ночи да ханку жрать. Тут вся газета про их. Извращенными способами. А все телевизор! Чубайс е...аный!..

– Довели дерьмократы страну, – остановился и подключился к дискуссии проходящий мимо совслуж с портфелем, чем-то смахивающим на Жванецкого. В смысле – не совслуж смахивал на Жванецкого, а его портфель – на портфель Жванецкого. – А вы, девушка, не отворачивайтесь, а слушайте, что старшие говорят...

– Ну, положим, – высунулась из амбразуры ларька овощная продавщица, – иной старший тебе такого наговорит. Вот одна старшая мне насоветовала. Так до сих пор забеременеть не могу. Ни Вовка, ни Сергей Петрович, ни мотострелковый батальон гвардейской Таманской дивизии...

– Повезло тебе, женщина, – запечалилась замшелая.

– Это как?! – оторопела продавщица.

– Да так вот. Ты от столько мужиков никак, а я от своего Рустама Ибрагимовича шестнадцать раз залетала..

– Это какого Рустама Ибрагимовича? – заинтересовался совслуж.

– Мехтиева, – сообщил слесарный джентльмен. – Орел. Молнии на брюках летят, как перелетные птицы.

– А-а-а-а, – протянул совслуж, – Рустам Ибрагимович... Тогда понятно...

Я ничего не понимал. Если Рустам Ибрагимович – муж замшелой, то откуда слесарному джентльмену известно о полетах его брючных молний? И что понятно совслужу с портфелем Жванецкого? Недоумение так явно выразилось на моем лице, что замшелая сочла необходимым разъяснить мне ситуацию:

– Муж мой. Неумный.

– Всегда таким был?

– Не... Раньше он спокойный был... А потом я лет пятнадцать назад рекламку ему подсунула...

– Ну и что? – оживился я.

– Передоз, – лаконично пояснила замшелая.

– Это точно, – сказал слесарный, – от него все бабы млеют. У меня от него дочка.

– Млеют, млеют! – взъярилась продавщица. – Я его, помню, в феврале к себе в ларек пригласила на предмет ребеночка. Он меня за ларьком и...

– И что? – с естественным интересом спросил я.

– А ничего. Рябинка только вот в марте за ларьком выросла... Не будет у меня детишек... По молодости лет не тем не туда влезли.

И тут она вспомнила о чувишке:

– Так что ты, девка, их не слушай. Ежели уж так получилось, рожай. А окурок впредь на асфальт не бросай... А то я замучилась за вами подметать! – вдруг разозлилась она.

– А таджики где? – спросил слесарный.

– Действительно, – заинтересовался совслуж с портфелем Жванецкого. – А то понаехали тут, а когда нужно, их нет как нет.

– Так на каждую троллейбусную остановку таджиков не напасешься, – сказала продавщица, выйдя с метлой из ларька. – Особенно, если каждая бл...дь будет здесь окурки разбрасывать.

– Засрали Москву, – резюмировала замшелая тетка.

– А все Гайдар! И Беня Эльцын! Сионисты х...евы! – И джентльмен слесарной наружности вздернул на ленинский манер зажатую в кулаке газету «Твой день».

– Кто сионисты? – заинтересовался я.

– Да все, суки, – поддержал его совслуж, забывший, что он куда-то шел. Я думаю, что если спросить его – куда, то он затруднится с ответом.

Чувишка меж тем спряталась за стеклянную стенку остановки, но безнадежно яловая овощная продавщица метлой выгнала ее оттуда. Потому что кто ж, кроме нее, будет убирать окурки и банки из-под пива? Когда таджиков днем с огнем не видать из-за в очередной раз вспыхнувшей войны с нелегальной иммиграцией.

– Семен! – заорала она.

Из-за остановки слышалось какое-то шевеление, которое материализовалось в средних размеров бомжа.

– Чего орете? – спросил он.

– Да вот... – кивнула продавщица на затравленную чувишку, – накидала тут. – И она показала бомжу на банки.

Бомж стал собирать банки в мгновенно случившуюся сумку.

– Это ж надо! – восхитился он. – Сколько пива может выпить одна телка. На тридцать четыре рубля.

– Это не я, – робко вякнула чувишка.

– Молчи, сучка, – оборвал ее слесарный.

– А если и не ты, – поддержал его а-ля Жванецкий, – то такие же проститутки.

– Я не проститутка, – заплакала чувишка.

– Ты, девка, – встряла закончившая подметать овощная, – чем выкобениваться, извинись перед народом.

– Точно, – поддержал слесарный, – русский народ отходчив. Винись, сука.

Чувишка вжалась в стенку остановки.

– Люди, – вмешался я, – вы что, с ума сошли? Чего вы на девчонку навалились? Какая она тебе проститутка, какая она вам сучка? Ну промахнулась девчоночка. А если бы здоровенный мужик бросил?..

Все молчали.

– То-то... Как сейчас, языки бы в задницу засунули... Успокойтесь, детка... Ну... ну...

– Вот ведь, – очнулась замшелая после моей филиппики, – козел старый! На свежатинку потянуло!

– Да я его давно знаю, – поддержала овощная, – он ни одной девчонки моложе пятнадцати лет не пропускает.

– Да он вылитый Немцов! – вскочил слесарный. – Зае...али жида наших девок!

– Точно, – подтвердил портфельный. – Отойди от него, дочка.

– И то, – высунулась из ларька продавщица. – А то насильничает прямо здесь. А аборт ты все равно не делай. От евреев дети тоже ничего получают.

Но чувишка отпрянула от меня:

– Да не нужен он мне...

– Во! – заорал слесарный. – Даже такой бл...ди ты не нужен! Россия – для русских!

– И украинцев, – поддержал его совслуж, разглаживая несуществующие усы.

– И таджиков, – добавила овощная, – без них никак. Без таджиков Россия в грязи утолет.

– А от жидов, – сказал бомж, – пользы никакой. Они пивные банки на улице не бросают.

Народ гневно смотрел на меня. Тут подошел троллейбус № 22. Все погрузились в него. И замшелая, и слесарный, и чувишка. И даже совслуж с портфелем, похожим на портфель Жванецкого. Хотя изначально он (совслуж) шел в противоположном направлении. А я не погрузился. Я самостоятельно захромал к станции метро «Партизанская».

Глава третья

Справа от меня росла рябинка, рожденная могучими производительными силами местного секс-монстра Рустама Ибрагимовича, а около нее стоял, судя по всему, сам Рустам Ибрагимович – очень плотный человек с животом, лежащим на носках черных лакированных штиблет, и задницей, лежащей на задниках этих же штиблет. Рустам Ибрагимович вешал на рябинку хиджаб. А то, не ровен час, подвалит к ней какой-нибудь дуб. Заботится, нехристь, о дочке. Хотя она ему и незаконная. Восточные люди вообще чрезвычайно заботливо относятся к своим детям. У восточных людей сирот не бывает. А почему? – спрашиваю я. А потому, как я это дело понимаю, что восточные люди – народ отсталый. Они на инстинктах живут. Они чувствуют, что, когда постареют, кроме детей, их кормить некому будет. Пенсий-то у них нет. А у нас есть. Мы народ цивилизованный. Так что на хрен нам детей кормить, если потом в них надобности никакой нет? Их в детских домах накормят. Тех, кто выживет. А что до воспитания, то введут во всех школах основы православной культуры, и русским родителям вообще со своими детьми делать нечего будет... Гуляй, рванина... Вот такой вот дискурс, вот такой вот мыслительный тренд, вот такой вот, мать его, силлогизм. И детдомов у восточных людей нет. Одно слово – дикари. У американцев, правда, тоже нет, но они тупые. И, как утверждают члены «Единой России», абсолютно бездуховные.

И я пошел дальше. Но не быстро пошел. Потому что напротив меня располагалась булочная. Очень славная булочная. Мечта каждого советского человека. Единственная в окрестках булочная государственного толка. Или муниципального?... Трудно сказать. Я их не отличаю. Я знаю только, что она принадлежала не малому бизнесмену, а государству. Или муниципалитету?... Не суть. Важно, что в ней, как в старые добрые времена, было только два сорта хлеба: белый и черный. И все! Никаких тебе лавашей, никакой тебе питы, никаких тебе пеклеванных, украинских, зерновых, красносельских, столичных, бородинских. Нету, и все. И правильно. Не фиг! Нельзя нашему человеку большой выбор предлагать. Во-первых, какой бы выбор ни был, ему все равно мало будет. А во-вторых, в ряде случаев он замучается выбирать и в конечном итоге может сдохнуть от голода. На пороге хлебного царства.

А уж таких глупостей, как колбаса, сыр, сметана там, в этой булочной, не было и в помине. Как тогда. А кому колбаса требовалась, чесал в магазин «Колбасы» на Ногина. Или на Горького. У Маяковки. Там же, на Горького, но около Кузнецкого, магазин «Сыры». Так что на расстоянии всего тысяча шестьсот восемнадцать шагов можно было надобать кой-чего к праздничному столу. Я почему все это так хорошо помню? У меня, точнее, у моего организма, есть такая особенность – произвольно чихать. На ровном месте. Без никакой простуды. И без соплей. Аллергия на жизнь. Так вот, я в магазине «Сыры» отоваривался сырами «Российский», «Рокфор» и «Русский камамбер». Последний я всегда вспоминаю, когда слушаю Макса Покровского «Ремамба-хару-мамбуру». Замечательный сыр, но полуфабрикат. Чтобы довести его до кондиции, нужно пачку на сутки положить на батарею парового отопления, потом на сутки – в холодильник. Так три раза. И только потом открывать. Я никогда не бывал в сортире парижского ипподрома... Ну да ладно... Моя первая жена в этих случаях всегда уезжала в командировку.

Так вот, как-то, купив сыр, я намылился на двенадцатом троллейбусе чесануть в «Колбасы», но начал чихать. Троллейбусным насельникам не объяснишь, что у меня аллергия на жизнь. Троллейбусные насельники удивительно консервативны. Чихает – значит, грипп, значит, инфекция. А потом, говорить каждые пять секунд «Будьте здоровы» – озвереешь. Запросто из троллейбуса выкинут. Я знаю. Меня на Бутырском Валу выкидывали. Правда, из автобуса... Поэтому от магазина «Сыры» до магазина «Колбасы» я пошел своим ходом. И точно помню, что «Колбасы» от «Сыров» отстояли на расстоянии тысячи шестисот восем-

надцати шагов. И семидесяти трех чихов. Один малый, шедший со мной параллельным курсом, на сорок втором чихе умер от смеха на пороге Елисеевского магазина. Напрасно старушка ждет сына домой. С тех пор его по тюрьмам я не встречал нигде.

Так, о чем я говорил?.. Колбасы... чиханье... сыры... рамамаба-хару-мамбуру... А, вспомнил!

Так вот, булочная – она потому булочная, что в ней булки продаются. (Булка не в смысле булки, а в смысле *единица* хлеба. Любого. Как до сих пор и называется во многих городах России, не потерявших в угоду либерально-атлантическому Западу своей национальной идентичности. Только в Москве, периодически щеголявшей своей особостью, употреблялись такие идиомы, как буханка, крендель, жаворонок, сайка... А некоторые старики, хранители русской старины, называют отдельные произведения пекарного искусства французским словом «батон». Не тот батон, который батон, а такая длинная хлебная палка, которая по-французски и называется «батон», что в переводе на русский означает «палка». Только давайте обойдемся без примитивной остроты типа: «Что ж, значит, сегодня ночью я кинул три батона». Вот этого не надо. Не люблю. Не в смысле кидания, а в смысле шуток. Тыфу ты, падла, не удержался...) И другие продукты – от лукавого. От какого лукавого?.. Правильно думаешь, земля...

Ну сами посудите, мог ли я не зайти в булочную? Не мог. А раз не мог, то и зашел.

Директором этой булочной был мой знакомец, с которым я как-то выпивал на карусели около дельфинария на Мироновской улице. Он сам приезжий. Лимита. Которая в Москве... Но об этом как-нибудь потом. И приходился дальним родственником зампреда нашей управы – лимите во втором поколении. Но об этом потом. Мой знакомец появился в Москве где-то в начале тучных нулевых, сразу после лихих девяностых, как он рассказал мне, слегка ошалев после второй бутылки. (Около дельфинария скамеек нет, поэтому мы выпивали на жирафе и на самолетике. А кто ж вам даст бесплатно выпивать на жирафе и самолетике? Никто. А кто ж будет не за х... платить за карусель? Вот он слегка и ошалел от вращения. В сочетании с водкой. Жуткий ерш!) В Москву мой знакомец прибыл из-за недоразумений, возникших у него в городе Бийске по поводу собственности в лице бийского магазина «Хлеб», и стал московской лимитой в третьем поколении. Второе поколение в лице зампреда нашей управы тормознуло приватизацию булочной, превратив ее в ГУП (государственное унитарное предприятие) «Булочная» и назначило третье поколение ее директором. С обязательными поставками хлеба из пекарни, принадлежащей зампредовской сестре, уволенной из одной конторы из-за недоразумений с чеченскими авизо. Когда она вернулась по УДО, ее брат и приватизировал для нее пекарню. А так как ее хлеб ни одна булочная не брала, потому что хлебопеками у нее работали другие региональные родственники зампреда, у которых на родине возникли недоразумения разного характера, то хлеб был не совсем хлеб и его никто не покупал. Тем не менее его пекли, потому что в пекарне должны печь, а в булочной должны продавать булки. Но! Чтобы оба-два предприятия приносили какую-никакую прибыль, большую часть хлебопекарни и булочной сдали в аренду под массажный кабинет, фитнес-клуб, СПА, солярий и фельдшерский пункт по липосакции некоей госпоже Аверкиной, по странному совпадению – дальней родственнице зампреда управы, у которой в городе Судженске возникли недоразумения по нецелевому использованию помещения детского сада в качестве мужской сауны.

Я вошел в эту булочную и двинулся к прилавку.

– А дверь кто за тебя закрывать будет? – услышал я, и душа моя полетела к Богу. В неземные дали, куда усвистели мои детские, юношеские и другие предшествующие старости годы. От внезапно нахлынувшего незаслуженного счастья сердце затрепетало в груди... Сердце мое, старое, усталое сердце мое... – Я кому сказала?! Олух царя небесного...

«Православная», – радостно подумал я и закрыл дверь.

– А где...

– Ушел.

– А когда вернется?

Не то чтобы меня это сильно волновало. Просто хотелось попрощаться перед путешествием в центр Москвы.

– Через три года. Общего режима.

– За что? – бестактно спросил я, хотя ответ мне и был известен.

И православная тут же его подтвердила.

– Недоразумение, – пожала плечами она.

Купленная мною булка, как и следовало ожидать, оказалась черствой. Мерцательная аритмия мешала ее жевать. Булка прилипла к зубам и всячески отказывалась двигаться дальше. Так что от укуса до проглоты прошло минут пять. Да и падала она по пищеводу как-то в рапиде. Если так дело дальше пойдет, то наружу булка выйдет на следующей неделе. Но я все равно был счастлив. Встретить в Москве государственную булочную – это все равно что встретить на Венецианском биеннале ломового извозчика. Или заказать в амстердамском кафе чай с малиной и услышать в ответ:

– С малиной нет. Могу предложить с черносмородиновым листом, ваше превосходительство.

И вкус французской булки... Как упоительны в России вечера...

С этими мыслями я остановился и закурил сигарету «Золотая Ява» суперлайт. Табак в ней ничего, но ничего общего с амстердамским! Куда уквзозили мои секс, наркотики, рок-н-ролл? Куда уходит детство, в какие города?.. Ну уж точно не в Амстердам. Стоп, наркотикс, наркомано, стоппо!

Глава четвертая

Я стоял на углу Ткацкой и Окружного проезда. С тем, чтобы малой кровью пересечь его, нырнуть под мост, прошагать еще двести метров и добраться до метро «Партизанская». Далее везде.

Окружной проезд тянется параллельно Окружной железной дороге. Именно поэтому он и называется Окружным. Или, наоборот, Окружная железная дорога называется так по имени Окружного проезда. Из-за этого возникают сложности. Тут жутко интенсивное движение и помимо светофора очень часто стоит мент гаишного содержания. Он регулирует автоматику светофора, которая реагирует на интенсивность дорожного движения. Любая автоматика советского происхождения регулируется вручную. Без этого нельзя.

Вот, к примеру, едет по Окружному проезду какой-нибудь олигарх на праворульном «Ниссане». Перед ним, как когда-то пел вечно юный Леонтьев, был светофор зеленый. Он въезжает под светофор, и тут мент гаишного содержания врубает красный. Олигарх, сука такая, платить не хочет. Начинается разборка. А между прочим, из-под моста едет автотранспорт. Ему же мент гаишного содержания зеленый врубил. И под мост с противоположной стороны тоже едет автотранспорт. То есть должен ехать, потому что впереди идущий «жигуль» уже нераспознаваемой модели застрял на перекрестке. За его рулем сидит пожилой мужик и недоумевает: куда, ёптыть, делся желтый свет? Он, может быть, с войны за рулем и привык, что между красным и зеленым, и наоборот, должен быть желтый. А тут желтого нет. Он такого бардака отродясь не видел. Для мужика это потрясение основ. Это почти что немецкие танки на Красной площади. Наши танки на Красной площади – это куда ни шло. Но немецкие!.. И он стоит, не понимая, что ему делать... От безысходности он начинает гудеть, со слезой в гудке требуя Сталина. И все начинают гудеть.

На перекрестке начинается полноценная жизнь. Какие-то мальцы предлагают переходники от чего-то к чему-то. Малоценная старушка продает стаканами какую-то мурцовку и редиску поштучно. Безногий в камуфляже на винтажной тележке на подшипниках гнездится посередине пробки и под гармошку поет: «Я был батальонный разведчик, а он – писаришка штабной. Я был за Россию ответчик, а он спал с моею женой», а мелкий пацан собирает с водителей башли, угрожая в противном случае помыть ветровое стекло. И мент гаишного содержания тоже собирает башли, угрожая межмочной консервацией состояния светофора. И все ему дают! А куда денешься? Только олигарх на праворульном «Ниссане» не дает, а требует у мента гаишного содержания документы, Которых у того нет. Потому что это даже и не мент, а лже-оборотень в погонах, пользующийся нашей всеобщей доверчивостью. Олигарх говорит, что сразу распознал вражину, потому что во время работы в СМЕРШе и не таких навидался. Потом он монтировкой отрихтовал лже-оборотня, отобрал у него башли и вручную рассосал пробку, объяснив мне, что однажды он это уже делал на Курской дуге. Техника была немного другая, но суть та же самая: не беспредельничай на дороге. И уехал. Но башли, награбленные у народа, не вернул. Олигарх, он и есть олигарх, хоть и из силовых структур.

Все разъехались. Кроме безногого, который «Яблочко»-песню допел до конца: «Я бил его в белые груди, срывал с него все ордена. Ах, милые русские люди, родная моя сторона». Пацан, собиравший для него башли, тоже хотел слинять. Но я его перехватил, отобрал уже почти спиз...ные башли, объяснив, что ему воровать никак нельзя, потому что мест в колониях для несовершеннолетних нету. И спросил у него e-mail, чтобы сообщить ему, когда построят. На эти деньги мы с безногим, у которого ноги все-таки были, но короткие (карлик), купили у старухи флакон мурцовки, редиску и примостились на откосе Окружной железной дороги, чтобы попить мурцовки и успокоиться от пережитого.

После первой я высказал мысль, что при настоящем, ЗАПАДНОМ, высокотехнологичном светофоре такой х...ни бы не произошло. Западные светофоры хрен подкрутишь. У них там все работает как часы. На Западе вообще сплошь автоматика. Я сам видел на канале «Дискавери» документальный фильм. Заводской цех, тыща роботов, и ни одного японца.

– Не скажи, – дожевав редиску, сказал безногий карлик с короткими ногами. – Году в шестидесятом горбатился я на лесоповале под Уссурийском, в тамошнем леспромхозе. И вот прислали к нам западногерманскую бензопилу. Поднесли ее к сосне. Вжик – и сосны нет. И одного нанайца тоже нет. Он мимо нас с охоты шел и загляделся на новую бензопилу. Не ожидал, что она так быстро... А нанайцев, между прочим, и так мало осталось. Кола Бельды и тот помер. И никто уже не докажет, что олени лучше.

Так вот, увидев такую нечеловеческую производительность немецкой пилы, мы затосковали, потому что леспромхозовское начальство сразу же повысит нормы выработки и понизит расценки, а бензопила на всех одна. Мы и так и эдак пытались к ней подобраться – мимо кассы. Немецкий гений все предусмотрел. Все закупорено, все запломбировано. Что делать?.. Сели на рельсы узкоколейки, по которой лес вывозили после трелевки, и тут меня осенило. Что у этой пилы открыто, вот ты мне скажи...

– Откуда я знаю? – удивился я. – Я по немецким пилам не специалист.

– А ты подумай... – подзуживает меня недоинвалид.

– Ну, – задумался я, – ну это... рукоятка...

– Правильно! Еще что?

– Включатель...

– Верно мыслишь! И?..

– И... И пильная часть?..

– О!.. Так вот, взял я одной рукой рукоятку, она потому рукояткой и называется, что ее рукой берут, включил включатель и, как ты ее называешь, пильной частью – по рельсу. Все! Пи...дец котенку, больше ссать не будет. А все почему?..

– Почему?

– Потому что русскому человеку любой прогресс нипочем. Потому что на каждую ихнюю новацию у нас найдется своя традиция.

– Абсолютно согласен, – абсолютно согласился я с карликом. – Помню, в пятидесятых у нас молоко продавалось в бутылках, а после XX съезда в рамках борьбы с культом личности и приобщения к завоеваниям мировой цивилизации молоком стали торговать в картонных пакетах в форме равноугольной призмы. Это я тебе как бывший геолог, знакомый с основами науки кристаллографии, говорю.

– А как же! Конечно! Мы из них потом пиво пили. В пивняках всегда кружек не хватало. Текли только, суки. Быстро нужно было пить. А быстро пить пиво – это никакого счастья.

– Об этом я и говорю. Оборудование закупили у одной швейцарской фирмы. И картон, и технологию склейки, и клей секретный тоже у нее закупили. Наладили линию по разливу, пустили в продажу, и на второй день эти призмы дали ощутимую течь. В некоторых было уже не пол-литра молока, а триста—четырееста граммов. И народ, плативший за пол-литра, проявлял жуткое недовольство. А продавец в те годы был не то что нынешний. Суров был продавец. И были, между прочим, увечья. Не до смерти, конечно. Молоко не водка. Но моральный ущерб был велик. В рамках всей страны. Потому что это завоевание цивилизации докатилось от Москвы до самых до окраин. С южных гор до северных морей. И подсобки всех магазинов всех пятнадцати республик были залиты молоком.

Наше правительство накатало швейцарской фирме телегу с изложением ситуации. Оттуда приехала специальная кодла, которая прошла по всей технологической цепочке: от изготовления равноугольных призм до торгового прилавка. Оборудование по резанию картонки работало исправно, сам картон тоже был свой, швейцарский, клей – вообще зашибись.

Заливали молоко швейцарским автоматом. Все было тип-топ. В ста двадцати семи странах жалоб нет, а у нас через сутки пакеты дали течь. Никто ничего не понимает. А наши их уже за горло берут: мол, платите. Моральный ущерб. И швейцарцы уже были готовы заплатить даже больше морального ущерба. Потому что наши приготовились уже в ООН стучать ботинком, вторгнуться в Цюрих и сбить к такойто матери швейцарский «Боинг». И все из-за протекающих молочных пакетов.

И тут один х...й из швейцарской фирмы от безнадеги предложил проверить молоко. Его коллеги над ним посмеялись, потому что молоко – оно и есть молоко. Но х... настаивал. И тут выяснилось, что молоко на двадцать пять процентов состоит из воды! А этот швейцарский секретный клей через сутки от воды растворяется! Он на воду не был рассчитан! Эти балды не могли себе представить, что молоко можно бодяжить водой! У них это в голове не укладывалось! Они не знали, что разбодяживание – это русская национальная идея! И они вынуждены были изобретать новый клей под смесь молока и воды. Special for Russia. Этим клеем во время вьетнамской войны пробоины в наших «МиГах» заклеивали. Одна беда – пивом этот клей почти мгновенно растворялся...

Мы молча выпили.

– Это еще не все, – прожевав редиску, продолжил я. – После этого наши задумались, что делать с остатками страдающего водобоязнью клея. А остатков было выше крыши. И под этот клей один неизвестный герой строительного фронта придумал строить дома, прозванные позже «хрущевками»...

Мы допили мурцовку. Карлик спустился вниз к образовавшейся пробке. А я поднялся к полотну Окружной железной дороги. Мимо меня неторопливо прокандехал одинокий тепловоз. Куда, зачем?.. Между прочим, у меня был один, через вторые руки, знакомый паровоз...

Глава пятая

Поначалу Окружная железная дорога предназначалась для перевозки живых людей по окрестностям Москвы, которые в былые времена были и не Москвой, а дачными местами, где проводили лето чеховские герои. Ну, вы знаете: чай с вареньем трех сортов, прогулки под зонтиками, катание на лодках, любительские спектакли, лаунтеннис и легкий флирт со студентом – учителем дочки Анечки, заканчивающийся возгласами: «Какой же вы неумный Серж... Право же, не нужно так далеко заходить... Я вам не такая, как госпожа почтмейстерша... Ах!.. Я надеюсь, Серж, что вы, как истый джентльмен, сохраните это в тайне».

Да и в советские времена тоже были дачи. Больница имени Алексеева, в девичестве Кащенко, гнездилась на остановке Окружной железной дороги под широко известным старым москвичам названием «Канатчикова дача». Так именовался и сам дурдом.

Ах, какие там липы, какие тенистые аллеи, какая очаровательная часовенка сразу за административным зданием... А какие люди! Цари... полководцы... композиторы... И все запросто. Без чинов. Людовик IX гонял со мной чифирь. Ленин – Керенского. Так, что тот прятался от него под кроватью. Шостакович жарил на игрушечном баяне песню «Алешка жарил на баяне, гремел посудой шалман», а его соратник по палате барон Шванкмайер, не успевший слиться в восемнадцатом году капельмейстер оркестра 26-го гвардейского полка и косивший под пролетарского поэта Демьяна Бедного, просил его после уколов вместо этого сумбура сыграть марш тирольских стрелков. Он все хотел положить на эту музыку стишата «Сиреневый туман над нами проплывает, над тамбуром дрожит вечерняя звезда, кондуктор не...» и так далее, которые он выдавал за свои. Да и кондуктор пребывал тут же. Он действительно был кондуктором. Кондуктором поезда, колесившего по Окружной железной дороге. Он-то мне и рассказал историю о съехавшем с глузду паровозе.

Когда в пятидесятых годах прошлого столетия перемещение человеческого материала по Окружной железной дороге прекратилось, по ней стали гонять поезда между монстрами железнодорожного хозяйства. Чтобы не гнать, скажем, лес из Сибири в Карелию, а лес из Карелии – в Сибирь через центр Москвы, его гнали по Окружной с помощью местных паровозов. Потому что дальние паровозы могли раздавить всю Окружную железную дорогу. Которая навсегда осталась бы раздавленной. Потому что вот уже много лет идет спор, кто будет финансировать текущий ремонт – федералы или Москва? Потому что башли немальные и очень важно, кто их будет пилить. И никто не хочет поступаться принципами ох... ных размеров.

Так вот, этим перегоним дров туда-сюда по Окружной и занимался Паровоз. Он жутко завидовал большим паровозам, гонявшим грузы по нашей необъятной родине, видевшим другие города, другие климатические и почвенно-растительные зоны, общавшимся с местными паровозами и гудевшим на разных языках Советского Союза.

И вот однажды наш Паровоз повстречал на пересечении Окружной и Белорусской железных дорог экспресс, который набирал ход в сторону западной границы. Наш Паровоз сразу понял, что Электровоз – женщина. Электровозы, с которыми он общался раньше, были мужиками. Это однозначно. Из них так и перла мужская брутальность. Каждый из них был Кобзоном. А в этом чувствовалось нечто неуловимо женское. Какое-то прелестное сочетание певицы Гелены Великановой с детским мылом. Так что наш чувак влюбился в Электровоз тихой и безнадежной любовью младшего научного сотрудника. И каждый раз, пересекая Белорусскую железную дорогу, он тяжело вздыхал всхлипывающим тоскливым гудком.

Однажды он стоял на станции «Белорусская» своей жалкой дороги в ожидании прицепки вагонов с собранным пионерами металлоломом. Чтобы отволочь этот металлолом на

пункт приемки металлолома с целью превращения его в ржавчину. Потому что любой свежей руды в стране до ... и больше. Чтобы еще это говно сортировать!..

И услышал знакомый гудок. Все у него захолонуло. Он оглянулся по сторонам – машиниста не было, кондуктор спал на задней площадке. Паровоз собрался с силами, медленно включил реверс (а может, и аверс, кто их, паровозов, разберет), задвигал шатунами, потом колесами, поманеврировал по путям, выехал на Белорусскую железную дорогу и чесанул за своей коханой. Или как это там у них, у паровозов, называется. На языке Белорусской железной дороги. И так они ехали и ехали друг за дружкой. Поля в снегу, леса в снегу. Березки пляшут на лугу и очень быстро отстают, усталые... Электровоз уже стал кокетливыми гудочками отвечать на робкие свистки нашего Паровоза. Все было готово к любви. Их разделяли только вагоны с людьми. Ах, эти люди!.. Всегда найдутся люди, чтобы разделить любящие двигатели. Видно, им самим в жизни не достало любви, вот они и...

– Как это так?! – возмущаются люди. – Совершеннейший мезальянс! Она, представьте себе, электрическая, а он, вы не поверите, на угле! Даже не коксующемся! Ну, милочка, куда это годится...

После стоянки Электровоз двинулся. Наш Паровоз – за ним. И тут его остановили пограницы. А дальше все просто. Попытка незаконного пересечения границы... Любовь?... Знаем мы эту любовь... Какая, на хер, любовь к иностранному электровозу!.. Пишите – измена Родине. Десять лет в лагере строгого режима.

Дорога Абакан—Тайшет. От звонка до звонка. После срока Паровоз там и остался. Сошелся с вдовствующей водокачкой и сгиб в мартене в начале шестидесятых. С рудой в стране стало хуже. А кондуктор загремел в шизилровку имени Алексева, в девичестве Кашенко, что у станции «Канатчиковая дача» Окружной железной дороги.

Я спустился с противоположной стороны полотна к разного рода шиномонтажам и почувствовал голод. Почувствовал и понял, что черта с два я его удовлетворю. Потому что я стоял не на земле, а на втором этаже чего-то. И пути у меня всего два: либо обратно вверх, либо свернуть за угол и посмотреть, что там. На предмет спуститься. Во-первых, к метро «Партизанская», чтобы продолжить путь к центру Москвы. А во-вторых, есть хочется, а тут никакой еды нет. Кроме окурка, довольно свежего. Я хоть и не Шерлок Холмс, но догадаться могу, что окурки не с неба свалились... Ан нет, с неба. Как я это понял, интересуетесь, если я не Шерлок Холмс? А с неба свалился второй окурочек. Я поднял голову и увидел, что над вторым этажом справа есть и третий. А с третьего видна небритая голова, которая, не удовлетворившись сброшенным на меня окурком, норовит еще и плюнуть. Я еле успел отскокить. Голова вздохнула и сказала:

– Иди направо, там лесенка будет, поднимешься ко мне на пост, и я тебя определю под арест.

– За что?

– За незаконное проникновение.

– Куда... незаконное проникновение?..

– А тебе это знать не положено.

– А ты мне по секрету.

– Не могу. Даже и по секрету. Потому что этого и мне знать не положено.

– А без ареста нельзя?

– Можно. Только прыгать вниз.

И я повернул направо, поднялся по лесенке на третий этаж и обнаружил под небритой головой крепкое полувоенное тело безразмерного возраста. На нем был китель устаревшего образца с четырьмя рядами орденских ленточек, брюки-галифе, а шляпа... шляпа была дна-панамы, ботиночки были «нариман»... И лицо у него было какое-то расформированное. Но значительное.

– Ты кто будешь, арестованный? – спросило лицо одними губами.

– Я? – не сразу принял я к себе статус арестованного.

– А ты что, видишь еще кого?..

– Нет, не вижу, – не стал лгать я. – Инвалид второй группы старший лейтенант Михаил Липскеров.

– Немец?

– Наоборот.

– Вижу. Это я для порядка спросил. Ты какого года?

– Тридцать девятого.

– Молодой еще...

«Эйнштейновщина какая-то... – подумал я. – Как к чувихе кадриться, так старый козел. А как под арест брать, так молодой еще. И кто я после этого?»

– А я, – протянул он мне руку, – гвардии капитан Глушко Семен Евменьич, седьмого года рождения.

«Так, – подумал я, – глюки... А ведь давно не было... Да нет, откуда глюки, если во мне уже года три понемногу... А может быть, я на что-то секретное попал... Высокотехнологичное... А то откуда же без науки старик двух лет от роду...»

Двухлетний старик усмехнулся понимающе, пронюхив мои мысли:

– Не, пацан, не двух-, а стодвухлетний.

«Так, – опять подумал я, – это не глюки. Это нормальная шизофрения».

– Ну и что ты здесь делаешь, отче? – спросил я абсолютно спокойно. Потому что при шизофрении нужно вести себя спокойно, принимать все как должное. В конце концов, есть вариант, что не я шизофреник, а Семен Евменьич. И этот вариант мне нравится больше.

– А я здесь коплю денежку. Я как с войны пришел, так выяснил, что семейства моего уже нет. А другого я завести не мог по причине стыдного ранения. И почти полста лет работал. По разным работам. А когда в начале девяностого собрался помирать, то в стране образовался дефицит гробов. Очередь была на них несусветная. И моя, по моим подсчетам, должна прийти к весне девяносто второго года. Ну, помирать стало нельзя, потому что, кроме меня, в очереди за моим гробом стоять некому. И тут – либерализация цен. Появились гробы. Пропали деньги. Пришлось опять работать. Чтобы накопить на похороны. В девяносто пятом меня от благодарных потомков провели парадом по Красной площади. И помирать стало неудобно. Вроде как я из корыстных соображений помер. Чтобы меня благодарные потомки на халяву похоронили. А в девяносто восьмом, когда я денежек поднакопил, тут тебе и дефолт. Опять помереть не на что было. Потом ждал, когда Россия поднимется с колен. А когда дождался, выяснилось, что все наши денежки на подъем и ушли. Опять живи. А сейчас и подавно не помрешь. Цены растут, как грибы перед войной. Кстати, не знаешь насчет грибов?.. А то то Грузия, то Украина на нас зубы точат. Вот я тут и сижу, охраняю неизвестно что. Чтобы на похороны собрать. Потому что, по скромным подсчетам, на похороны нужно минимум полста штук. Пока. А там видно будет.

Мы помолчали, покурили... Выкинули окурки вниз. На второй этаж. А потом он показал мне лесенку, по которой я спустился во двор шиномонтажа, откуда и выбрался на Измайловское шоссе.

Да, господа, жить в России тяжело, а умирать дорого.

Глава шестая

И вот стою я себе на Измайловском шоссе... Это не то чтобы совсем шоссе. Чтобы на шесть полос или на восемь. Хайвей, в натуре. Чтобы, если ПНД (тьфу ты, я хотел сказать – ДТП. ПНД – это психоневрологический диспансер)... Так вот, если ДТП, то чтоб десяток-другой машин. Чтобы, значит, виновник аварии скончался на месте, а трое были доставлены в ближайшую больницу. Один из них в критическом состоянии, и врачи ищут у него карту медицинского страхования. Нет, на этом отрезке Измайловского шоссе ничего подобного, на чем мог бы отдохнуть глаз прохожего аборигена, произойти не может. Максимум, кто может здесь столкнуться, это продавцы китайских бутиков и торговцы халяльным мясом. Здесь Измайловское шоссе умирает в дебрях умирающего Черкизовского рынка. А дальше – леса, степь и Золотая Орда.

А я, как уже говорил, хотел есть. Этого у нас сколько угодно. ДТП нет, а харчевен, трактиров, шашлычных... Ленты, кружева, ботинки – что угодно для души. Я стал размышлять, где и что. И увидел по левую руку заведение белого цвета, на вывеске которого форматом в три четверти была нарисована менора. Священный иудейский светильник. Семисвечник. А чтобы было понятно, что это менора, а не факел, там, или жертвенный огонь, то под рисунком была разъясняющая надпись – «МЕНОРА». Ну вот, наконец-то. А то семьдесят лет живет еврей на белом свете, а из национальной еврейской кухни знает только мацу. И то не ел, а видел. В документальном фильме о кишиневском погроме 1905 года. Вот сейчас я это дело исправлю и наверстаю.

– Что у нас из кошерного? – развязно (как и положено еврею, или, как принято думать, как разговаривают евреи) спросил я. (Для не евреев сообщаю, что кошерное – это блюдо, приготовленное по законам кашрута, то есть то, что можно есть еврею. У мусульман это называется «халял». Остальные нации жрут все подряд.) И так...

– Что у нас из кошерного? – развязно спросил я у еврея, как две капли воды похожего на убиенного в 1916 году Григория Ефимовича Распутина. И жуткая вещь!.. Оказалось, что его так и зовут. Григорий Ефимович Распутин! И он специально косит под великого старца! В интересах бизнеса.

Я опять жутко удивился. Какой, на хрен, бизнес?! Григорий Ефимович Распутин в еврейском ресторане «Менора»?! И тут выяснилось, что еврейский ресторан «Менора» вовсе даже и не еврейский! А назван так потому, что «менора» – это единственное слово на идиш, которое известно хозяину ресторана горскому еврею Тельману Джебраилу. Так что мои расчеты отведать чего-либо еврейского обломились. Придется жрать все подряд, что и все остальные нации. А если бы хозяин был настоящим евреем, а ресторан имел еврейскую кухню, то ресторана бы вообще не было. Потому что я оказался первым настоящим евреем, появившимся в районе Черкизовского рынка. А из-за одного меня городить ресторан и держать в нем контрафактного Распутина с точки зрения бизнеса неразумно. Разве что для отвода глаз при посещении рынка скинхедами. Но тоже невыгодно. Выгоднее платить скинхедам, которые если и придут бить «черных», то пусть уж их и бьют, а не отвлекаются на мелкий еврейский погром. Со времен общества «Память» и РНЕ Баркашова еврейские погромы вышли из моды.

Все столики, числом шесть, были заняты разномастным людом, который ел. Я нашел одно свободное место за столиком на четверых. Трое постояльцев с удовольствием ели чебуреки размером с прикроватный коврик и запивали водкой «Путинка», выражая тем самым полнейшую лояльность существующему режиму.

– Простите, господа, вы позволите сесть? А то больше мест нет. А есть хочется.

Один из господ, которых в народе зовут «хачиками», чебуреком указал на пустой стул и представился:

– Хачик.

Второго господина звали Микитой из города Бельцы, а третий господин, который был госпожой, протянул руку лодочкой.

– Нина Владимировна. Из Иванова, – и кокетливо улыбнулась в ожидании шутки типа «А-а-а, город невест» и поцелуя руки, но пролетела. Я хоть и профессиональный юморист, но в прошлом. А целовать руку с зажатым в ней чебуреком я обучен не был. Такой случай в Пажеском корпусе никто представить не мог. А я к тому же в нем не обучался.

– Михаил, – представился я.

– Мишико, значит, – кивнул Хачик, – как Саакашвили.

– Это почему ж как Саакашвили? – обиделся я. – Это Саакашвили как я.

Микита из города Бельцы плеснул мне в фужер «Путинки» и шлепнул на тарелку прикроватный коврик:

– Давай, Михайло, пока тебе не принесли.

Выпивать в мои намерения не входило. Я несколько замешкался.

– Обижаешь, – развеял сомнения Микита.

– Да вы не стесняйтесь, Михаил, здесь все свои, – подняла свой фужер Нина Владимировна.

– Правильно говоришь, женщина, – сквозь чебурек одобрил Хачик. – Выпей, Мишико. И покушай.

Совершеннейшая фантастика. Стоит в нашей стране нескольким гражданам случайно встретиться на предмет водки, как они тут же оказываются «всеми своими». При наличии водки никакого *privacy* не существует. Вот в чем одно из отличий русского народа от зарубежного. Говоря «русский», я не имею в виду этническую направленность. (Смешно говорить о русских как о национальности за столом, где сидят азербайджанец, украинец и еврей. И где только один представитель титульной нации – Нина Владимировна из Иванова. И то в ней, как и у большинства русских, было что-то татарское.) Я говорю о культурной идентичности. В *modus vivendi* и *modus operandi* по отношению к водке. В городе Москве, на Измайловской пародии на шоссе. В кабаке «Менора». В славной многонациональной и разнополой компании. Донельзя душевной. Водочка *end* чебурек. Вкусный!.. Конечно, можно бы незатейливо пошутить об исчезновении в округе кошек и собак, но... Уж слишком от этой шутки шибает петросяновщиной, да и *comedyclub*овщиной тоже. Почему-то в России почти всякий юмор сваливается в петросяновщину, как бы он ни голосил о своей элитарности. Хотя что тут непонятного? Нельзя не забрызгаться, если плывешь на утлом челноке в бушующем море говна.

Так вот, это был честный чебурек. И баранина в нем была тоже честная. Причем, как я уже говорил, чебурек оказался объемён и грузен. Поэтому, когда я им закусил, то явно насытился. Но в качестве алаверды заказал еще четыре порции чебуреков и бутылку «Путинки». А если быть честным, то две. Но я никогда не бравировал своей честностью, поэтому бутылок была одна штука. Именно такую цифру я назову своей жене Оле по возвращении.

Мы красиво выпивали и красиво закусывали. Для утирания морды от бараньего сока паленый Распутин выдал каждому по скатерти. Кстати, он тоже составил нам компанию. Но выпивал и закусывал стоя, потому что по всемирным ресторанным законам официантам запрещено подсаживаться за столики. Более того. Во всем мире, кроме России, официантам запрещено и выпивать за ними. Ну не суки?!

Поели мы плотно. Очень плотно. Я так даже перепрыгнул через две весовые категории. Французские шеф-повара, приезжающие к нам за длинным евро и получив его, говорят, что русские (не этнос, а нация) не знают толка в изысканных блюдах. Русским, с легкой брезгли-

востью говорят французские повара, нужны большие порции каждого блюда. Они кусочку птимики под соусом из разогретого хнума с двумя семечками арграна под взбитым бом-бим-брамселем общим весом восемнадцать с половиной унций предпочитают кусок мяса в шестьсот граммов с жареной картошкой. И это в качестве десерта. Французам трудно понять нацию, голодающую веками. Потому что, что бы там ни говорил Говорухин о России, которую мы потеряли, жратвы никогда не хватало на всех. И отсутствие пищи материальной компенсировали пищей духовной. А это уж каждому свое: кому – севильский цирюльник, кому – сибирский. И французы никогда не поймут сакрального значения еды для русского человека. Народ, для которого во время войны проблема заключалась в отсутствии фуа-гра, а «Pater noster» был формальным бормотанием, никогда не поймет народ, для которого слова «Хлеб наш насущный дай нам на сей день» стали плотью. Физической и Христовой. И ими мы выжили в веках (не этнос, а нация).

А потом мы поговорили о том о сем. Ну в основном кто, зачем, почему и когда в Москве. В России это имеет громадное мистическое значение. Я не встречал ни одного приезжего, который бы не относился к Москве без искренней ненависти. Первые пару-тройку месяцев. Через пару-тройку месяцев он с такой же искренней ненавистью относился к тем, кто приехал только что. А через два-три года какой-нибудь рязанец, прикупивший комнатку в Мытищах, спрашивал у приехавшего к нему племянника, где, собственно говоря, находится эта гребаная Рязань. А на вопрос, откуда он родом, с недоумением отвечает: «Как откуда? Из Москвы, – и с непоколебимой уверенностью добавляет: – Коренной».

Так и мои соратники по чебурекам и «Путинке» были коренные москвичи. Как я уже говорил, из Азербайджана, Иванова и из города Бельцы. А фиктивный Распутин вообще обретался в Москве с незапамятных времен. Его дед с бабкой правдами и неправдами прибыли в Москву в тридцать третьем году из деревни Крутево Курской губернии. Скорее всего, неправдами, потому что во время голодомора людишек из сельских местностей в города не пускали. Не для того у них хлеб в селах отбирали, чтобы они потом его в городах ели. А вот в качестве пайки на Беломорканале, Москве–Волге, Магнитке – милости просим. Ковать индустриальную мощь нашей державы. Тем не менее распутинские дед с бабкой как-то в Москву проникли и пустили здесь корни. И пошел от них род: банщики, вахтеры, старшины сверхсрочной службы... А вот он, Распутин, выбился в официанты. Сыт, пьян и нос в табаке. Дети?.. Конечно. Как же без детей?.. Сынок... в Курской губернии. Мэр города Крутево. Он тудое вместе с Руцким приехал. Так что Григорий Ефимович самый что ни на есть коренной москвич.

Хачик... А что Хачик? Его предки уже почти двести лет в Москве хурмой торгуют. Полгода у себя в Нахичеванском районе ее выращивают, полгода в Москве ею торгуют. Поэтому Хачик – полукоренной москвич.

Нина Владимировна – коренная москвичка на три четверти. Потому что полгода она работает у Хачика продавщицей хурмы и женой, а полгода – у сменщика Хачика Гоги из-под Кутаиси. Продавщицей кинзы и тоже женой, но на полставки. Другие полставки он платит Марине из Полтавы, которая работает у него еще и продавщицей тархуна. Вот и получается, что Нина Владимировна москвичка на три четверти.

А Микита из города Бельцы, мне кажется, не совсем коренной москвич. Ну и что, что он Ленина видел? Он же его в Мавзолее видел. Внутри, а не на! А вообще-то если человек называет себя коренным москвичом, то и хрен с ним. Кого это колышет? Он что, у нас работу отнимает?.. Гадит на наших улицах?.. Живет в нашем доме?.. Нет. Он за нас работает, он наше дерьмо с наших улиц убирает, он наши дома строит. Так пусть и считается коренным москвичом. А мы, считающие себя хозяевами Москвы и ревностно охраняющие этот статус, никакие не хозяева. Потому что настоящие хозяева никогда бы не позволили сделать с Москвой то, что с ней сделали ее господа. Те, кто ее разграбил. Те, кто украл у Москвы арбатские

переулки, замоскворецкие дворики, Манежную площадь, площадь Киевского вокзала, снес старые церквушки и впарил нам вместо них памятник Петру, ненавидевшему Москву, уродливые каменные фаллосы бизнес-класса, вонючий канал у Кремлевской стены с бетонными ублюдками, муляж храма Христа Спасителя и прочую херню, от которой настоящие москвичи блюют трансгенными продуктами. Вот те, кто это с Москвой сотворил, и есть подлинные хозяева Москвы. Точнее, не они, а их деньги. Большие деньги. Очень большие. Из которых они делают еще большие деньги.

Так что, коренные москвичи с XIX века, не обольщайтесь: хозяева Москвы не вы, не мигранты – легальные и нелегальные. Хозяева Москвы – Очень Большие Деньги, кому бы они ни принадлежали. Но нам они не принадлежат. Это к экстрасенсам не ходи.

Мы разошлись. Кто – по своим рабочим местам, а я – к центру Москвы. И путь мой лежал через Измайловский вернисаж.

Глава седьмая

И вот, приятно отягощенный «Путинкой» и чебуреками, расслабленно бреду к вернисажу. Чтобы после удовлетворения телесной середины, порадовать душу созерцанием выдернутыми из привычного состояния предметами быта и искусства, стремящимися приобрести нового хозяина. Уважаю созерцание. Как говорил один философ, созерцание – это одна из составляющих познания. Всю свою жизнь я придерживался этой точки зрения, хотя и не подозревал о ее существовании. Еще в школе мне значительно приятнее было созерцать графическое изображение теоремы Пифагора, нежели пытаться доказать ее. Меня вполне удовлетворяла сущность этой самой теоремы: «пифагоровы штаны во все стороны равны». За этой формулой открывался бесконечный мир всеобщего равенства штанов. Насколько это звучит красивее сухой формулы: «Квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов». Или наоборот. Сплошная сухость мысли и безрадостность души. А «пифагоровы штаны...» – это красиво... Это спасет мир, как сказал один эпилептик. Очень правильно сказал. А как увидишь красоту без ее созерцания?... Никак. Вот я и спасаю мир полнейшим приятием пифагоровых штанов, равных во все стороны света, и не приемлю «С квадрат равен сумме квадратов А и В».

Плата за созерцание составляла десять рублей. Столько же стоил один носок у торговки рядом с кассой. Ну вы меня уже достаточно хорошо знаете, чтобы понять, что я хоть и не сразу, но отверг мысль о покупке одного носка и заплатил десять рублей одной купюрой за вход в царство прекрасного.

Прекрасное ждало меня сразу же за входом. Справа под навесом, призванным оберегать прекрасное от возможного дождя и снега (мы же не в Сахаре живем), лежали оконные шпингалеты, дверные ручки, дверные же замки, гвоздодеры и, конечно же, гвозди. Ибо на хрена гвоздодеры, если нет гвоздей? Также имелись непонятные латунные пластины разной формы с дырками под шурупы и, конечно же, шурупы. Ибо на хрена дырки под шурупы, если нет шурупов? Вся эта красота лежала в идеальном порядке, навевавшем мысль об арацеевских поселениях. И за каждым предметом скрывалась частица истории нашей великой державы. Крутя в руке медную дверную ручку с тигровой мордой, я живо представил парадный подъезд, куда по торжественным дням, одержимый холопским недугом, целый город с каким-то испугом подъезжает к заветным дверям...

Пожилой торговец, дымя антикварным «Прибоем», стал рассказывать мне что откуда.

– Вот этот шпингалет от окна некоего дома на Арбате, – таинственно сказал он. – Прежний его хозяин поговаривал, что именно этот шпингалет принадлежал окну, через которое вылетела Маргарита. Двадцать четыре рубля. А вот это, – не давая мне опомниться, продолжил он, – последний гвоздь, вбитый в гроб Российской империи в семнадцатом году и выдернутый из него вот этим вот гвоздодером с целью ее возрождения. Вылетевший из гроба зомби сожрал имперца, оставив в живых гвоздь и гвоздодер. И теперь зомби империи шляется по России. Гвоздь – шестнадцать рублей, гвоздодер – пятьдесят два. Но продаются вместе за сто двадцать.

– Не понял арифметики!

– Чего ж тут не понять? Сервиз всегда стоит дороже. Берем?

– А за полтинник не отдадите?

– Почему ж не отдам? Конечно, отдам. Но в нагрузку четвертак за вот эту вот досточку.

– Что за досточка?

– А от гроба Российской империи. Давайте я вам в сумочку покладу. Сумочка, промеду прочим, редкостная. Одна безрукая бабка связала ногами. Из одного музеума скраденная. Всего столик.

И вот я бреду дальше по вернисажу с сумочкой макраме с портретом Сталина, в которой болтаются фетиши Российской империи. Пошлю в газету «Завтра». Наложённым платёжом. Слева, за уголочком, один знакомый одинокий мужичок под пятьдесят торгует камнями. Малой степени драгоценности, но проникнутыми какой-то трепещущей мистической силой и нечеловеческой красотой. (Можете оттоптать автора за графоманство: нечеловеческая красота камня. Ну не нашел я метафоры, не нашел!.. Не хотите – не читайте дальше.) А у меня к камням отношение особое. В пятьдесят девятом году, когда я был мальчишкой, носил я брюки-клеш, то есть дудочкой, проходил геологическую практику в Государственном минералогическом Ильменском заповеднике и этих камней перевидал в великом множестве. И даже приволок многие из них в Москву... Эх, годы мои, золотые годы мои... Потом камни оказались разбросаны по разным концам Москвы во времена моих брожений по разным ее центральным районам с бродяжническими целями. Абара му, абара му, я каркичмери, абара му... И сюда я прихожу на встречу со слинявшими спутниками моей юности.

Вот такую же друзу аметиста я подарил своей юной первой жене, когда она приехала ко мне на Ильмены на медовый месяц после защиты диплома в Историко-архивном институте и была единственной в истории геологии поварихой с дипломом историка-архивиста.

Кусок «письменного» гранита, или «еврейского камня», я привез из Вишневогорска. В розово-красном граните вкрапления серых кварцевых зерен. Вылитая проба пера начинающего талмудиста.

Такую же точно кодлу берилловых кристаллов я нарыл в Туве. Сейчас вы ох...еете от красоты места обретения кодлы. Это было в центре пегматитовой жилы на южном склоне горы Надежда в северной части хребта Остроконечный Таннуола при слиянии рек Кара-Адыр и Сольбельдер, с которого начал свой путь к Ледовитому океану величественный Балыктыг Хем! Душа поет, и сердце плачет... Берилл – это тот же изумруд, но недоделанный. Формула одна, а башли разные. Берилл нужен для того... чего вам знать не положено. Но на горе Надежда берилла оказалось с гулькин... (сами выберите сравнение). А настоящее месторождение мы с геологиней Верой Николаевной нарыли за неделю до возвращения в Кызыл и на первой за сезон пьянке нарекли его «Улуг Шукбюл», что означает в переводе с тувинского «Великие Шульга, Уханов, Коновалова, Балашова, Юнусов, Липскеров». После пьянки конюхи-тувинцы Серзинмаа и Чооду выпали в осадок до конца сезона. Каждое утро они вылезали из палатки, шли к Кара-Адыру, ложились на пузо и хлебали воду, после чего вставали в жопу пьяные. И так всю последнюю неделю. Так что лошадей по утрам собирал я, как младший по должности.

А также яшмы, малахиты, топазы и пиропы, которых я насобирав по копиям Тургояка. Их я дарил знакомым девицам в качестве благодарности за бескорыстие. Много было яшм, малахитов, топазов, пиропов. Много было девиц. Ничего не осталось.

А вот такого камушка у меня никогда раньше не было. Лопарский крест. Это кусок серой породы со сросшимися в виде креста кристаллами кварца. Происхождением из Хибин и водится только там. Двух похожих лопарских крестов в природе не существует! И я наловчился дарить своим новоправославным товарищам эти камни на дни рождения, объясняя, что это такой православный оберег. Что с точки зрения православия является полной ерундой. А одному, особо рьяному, который без крестного знамения в сортир не ходил, предложил сделать в кресте дырку, пропустить сквозь нее цепочку и носить на шее. (Цепочку я приобрел здесь же, на барахолке. Она принадлежала сливному бачку настенной модели. Особо рьяному я выдал ее за цепочку от кандалов святого Мудилия – старовера, сожженного лично Петром Первым для обогрева в одну из студеных ночей генваря 1705 года.)

Хозяин камней Парфен Михалыч был мне рад, потому что я никогда не купил у него ни одного камня без задушевной беседы. Узнав, что я отправляюсь к центру Москвы, он скорбно поджал губы и кликнул Наталью Константиновну Привалову, урожденную фон

Шейкман. Ее род деятельности заключался не в торговле, а в продаже произведений искусства, рождающихся на ваших глазах. Она была последним представителем великого племени вырезателей силуэтов. Когда-то они гнездились во всех кинотеатрах и за дохрущевский чирик резали морды зрителей с натуры. Предок Натальи Константиновны Абрам Соломонович фон Шейкман резал силуэты в синема «Арс», что на Арбате. (Как «на каком Арбате»?.. Арбат, милостивые государи, один. Все остальные – от лукавого. То есть от советской власти).

– Наталья Константиновна, не откажите в любезности отварить картошечки, почистить селедочку. Михал Федорыч навсегда покидает нас. Проводим его достойно.

– В эмиграцию, Мишель? – спросила вырезальщица, надевая резиновые перчатки.

– Ну что вы, Наталья Константиновна, какой смысл эмигрировать, когда меня здесь никто не держит. Когда я здесь никому не нужен...

Фраза «где родился, там и пригодился» применима не ко всем гражданам Российской Федерации. Тем более пенсионного возраста. Так что здесь я не просто никому, а на х...й никому не нужен. Дети, внуки вспомнят... А для друзей и соратников я буду вечно жить в ихних сердцах и ихней памяти. Бредок какой-то... А там тем более.

– К центру Москвы еду.

– Там-то, Мишель, вы точно умрете от ностальгии по здесь, – ответствовала урожденная фон Шейкман, вырезая из картофелины мой профиль.

– Да нет, это здесь я умираю от ностальгии по там.

– Ну как знаете, – сказала она, элегантно разделявая селедку атлантическую специального посла.

Пока мы с Натальей Константиновной беседовали, Парфен Михалыч слетал за Иеринархом Владимировичем, джентльменом господских кровей. Хлеб насущный он добывал продажей подсвечников, которые свозили ему со всей России после бесплатной приватизации памятников архитектуры, старины и культуры на предмет реставрации за бюджетные деньги по распоряжениям, указам, постановлениям властей всех рангов. Свиристествовал черным нал. Под бдительным присмотром Российского фонда культуры во главе с народным артистом России Н.С. Михалковым.

Подсвечников было множество. Самых разных. От простых медных до фигурных, имеющих художественную и историческую ценность. К примеру, подсвечник в виде русалки, опирающейся на хвост. Изящные руки отведены назад, голова с распущенными волосами откинута, а рот раскрыт в беззвучном крике. В этот рот и вставлялась свеча. Или подсвечник, который держала фрейлина Анна Александровна Вырубова, урожденная Танеева, над постелью балерины Матильды Феликсовны Кшесинской во время пребывания в ней великого князя Сергея Михайловича. Подсвечник доктора Живаго. Подсвечник, с которым Диоген шлялся по Афинам в поисках человека. Так и сдох в бочке одиноким. И целый набор канделябров для карточных игр – от деберца до криббиджа. И проч., и проч., и проч.

Иеринарх Владимирович притащил с собой какую-то непонятную миску литра на три из чистого серебра, увидев которую фон Шейкман впала в ступор над кипящей в чугунке крепостного писателя Менделя Мойхер Сфорима картошкой.

– Это... то... что... я... думаю? – пролепетала она. – И блеск, и шум, и говор балов, а в час пирушки холостой шипенье пенных бокалов и пунша пламень голубой?

– Точно так-с, милейшая Наталья Константиновна, – с поклоном ответил Иеринарх Владимирович, – Александр Сергеич из этой чаши пуншики пивали. Как гонорарий получают, так часть его всенепременно на пунш потратят. А уж остальное потом в карты проиграют. С Гоголем и Достоевским. Остальные ему были не по рангу.

– Странно... – задумался я, – как это они, играя втроем, всегда все оставались в проигрыше?..

Иеринарх Владимирович тоже надолго задумался... И все задумались... Первым из оцепенения вышел Парфен Михалыч.

– На то они гении! – торжественно сказал он.

И мы как-то сразу успокоились. Потом влили в миску полтора литра водки, литр рома и литр виски, которые приволок посланный вернисажный старичок на побегушках. Подождли это дело, потушили и очень душевно, под селедочку с картошечкой попили. А потом я подарил Иеринарху Владимировичу досточку от гроба Российской империи, гвоздь и гвоздодер. Как я позже выяснил, он их забодал в качестве частицы Гроба Господня и гвоздя от него странствующему монаху, собирающему пожертвования на восстановление монастыря святого Михаила Круга, который был выгнан (монах) со станции метро «Партизанская» по постановлению Его Святейшества Патриарха Московского и Всея Руси Алексия Второго. Выгнал его сержант Пантюхин. Я долго мучился, не понимая, с какого это бодуна государство в лице сержанта Пантюхина выполняет постановление отделенной от него церкви. А потом успокоился. Если уж без благословения церкви ни одна ракета по врагу не вжарит, ни одна богохульная контора типа Пенсионного фонда без освящения церковью не заработает, то уж гонять по метро монахов руками сержанта Пантюхина – это просто святое дело.

Ох, мать вашу!..

...А потом, расцеловавшись с Натальей Константиновной, Парфеном Михалычем, Иеринархом Владимировичем, вернисажным старичком на побегушках и еще с х...евой тучей посторонних людей, среди которых появился и пропал одинокий печальный ремесленник с объявой «Реставрирую череп по живой голове», я побрел к метро «Партизанская». Чтобы продолжить путь к центру Москвы.

Глава восьмая

И вот стою я себе около пешеходного перехода в поисках светофора, чтобы получить от него сигнал о переходе. Я в смысле перехода улиц чрезвычайно законопослушный человек. Потому что интуитивно чувствую, что мне не понравится, если меня собьет какой-нибудь транспорт при переходе улицы на красный свет светофора. Я до сих пор обливаюсь слезами, вспоминая зайчика, попавшего под трамвайчик. А по мне кто заплачет? Жена найдет себе другого, а мать сыночка никогда. Но мамы моей уже нет, так что от этого мира я слезинки не дождусь. А вся гармония мира не стоит одной слезинки этого мира. Так что там со светофором?.. А нету его. Не удостоился этот переход чести иметь личный светофор, потому что шириной он метров восемь и какой-либо транспорт здесь ездит крайне редко. Но ездит. И для меня нет разницы: сгнуться под редко идущим транспортом или под снующим туда-сюда. Последнее даже предпочтительнее.

Так вот, светофора нет. А есть «зебра». Это вообще штука предательская. Была до того времени, как за непропуск пешехода с водителями стали лупить штуку. Очень правильное решение. Есть только одна закавыка. Кто эту штуку будет лупить?.. Если мента нет. И водитель сковырнет меня абсолютно бесплатно. Хотя не думаю, что знание о заплаченной водителем штуке сделает мою гибель под колесами более счастливой.

А в данной ситуации нет светофора, нет мента, нет транспорта. Есть только я и «зебра». «Зебра» и я. Я делаю шаг вперед. И зависаю. Слева появляется асфальтовый каток. Чего он тут появился, вообще непонятно. Все планы префектуры по укладке нового асфальта были выполнены еще зимой, и до следующей зимы никаких ремонтных работ не предусматривается. Не в наших правилах класть асфальт в летнее время. Потому что если класть асфальт в летнее время, то это может продержаться года три. А зимой – год. И для зимней укладки асфальта башлей нужно в три раза больше. А если учесть, что бюджет в России принимают исключительно для того, чтобы его распилить, то зимняя асфальтировка увеличивает сумму распила в три раза. Так что ни один порядочный управленец не станет класть асфальт летом. Чистая экономика. И корпоративная этика. Потому что стоит какому-нибудь одному выродку покласть асфальт летом, то и остальных могут (не обязательно, но могут) заставить класть асфальт летом. И в других отраслях народного хозяйства такое тоже может произойти... Так ведь?.. И наступит страшное! Деньжищ в стране станет столько, что нефть и газ нам вообще не нужны будут. Рухнет вертикаль власти, которая целиком сидит на нефти и газе!.. Украина, Прибалтика, Западная Европа на нас положат!.. Опять плюхнемся на колени?.. Не, укладывать асфальт летом никак нельзя. Иначе будет полная потеря национальной самоидентичности. А это единственное, чем богат наш народ. И асфальтовыми катками, приспособленными для работы в зимнее время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.